

Мастер слова

с божьей ИСКРОЙ

ПОЯВЛЕНИЕ АЛЕКСАНДРА ЕРОХОВЦА В РЕДАКЦИИ БОГОТОЛЬСКОЙ РАЙОННОЙ ГАЗЕТЫ «ЛЕНИНСКОЕ ЗНАМЯ» (ТАК ОНА НАЗЫВАЛАСЬ В 1956 ГОДУ)

ЯВИЛОСЬ СЕНСАЦИЕЙ ДЛЯ ВСЕЙ МЕСТНОЙ ПИШУЩЕЙ БРАТИИ. ОН БЫЛ ПЕРВЫМ С УНИВЕРСИТЕТСКИМ ОБРАЗОВАНИЕМ (ТОЛЬКО ЧТО ОКОНЧИЛ УРАЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ) И С БОЛЬШИМИ ЛИТЕРАТУРНЫМИ ЗАДАТКАМИ. К НЕМУ И ПОТЯНУЛИСЬ АВТОРЫ: ПЕТР ЕРМОЛАЕВ, ВЛАДИМИР КАНТЕРОВ, ВИКТОР ТРЕГУБОВИЧ, ТАМАРА БИБИКОВА И ДРУГИЕ, ПИШУЩИЕ СТИХИ И РАССКАЗЫ.

Зная, что до этого литературные материалы принимал сам редактор Илья Яковлевич Волков, я по привычке с новыми стихами зашел к нему.

- Иди к новому литературному сотруднику Ероховцу в общий отдел. Он и посмотрит стихи, - сказал Илья Яковлевич, не отрываясь от рукописи, которую читал.

В общем отделе я увидел симпатичного молодого человека в светлорыжевом костюме, среднего роста, плотного, с роскошной шевелюрой каштановых волос. Он глядел на меня добрыми смеющимися глазами, располагая к себе.

- Александр Степанович, - начал я...

- Ты что, старик, так сразу официально? Зови меня Сашей...

И он первым назвал меня по имени. Бережно взял мои листы из ученической тетради, усадил меня на стул перед собой, начал читать мои стихи. По выражению его лица я видел, что стихи ему нравятся, и он, после беглого просмотра их, продолжил углубленное чтение.

Наконец он откинулся на спинку стула, помолчал, словно обдумывая прочитанное, и тепло сказал:

- Старик, а я зримо вижу твою осень: «Пожелтевшая даль берез, словно высохла вся от зноя. Шелестит, как созревший овес, бесконечное царство лесное». А строка «листья тонут в траве медяками» вообще великолепна. А другое стихотворение «Тракто-

рист» не очень - громких слов много, и тракторист получился ходульным. Но дотянуть его можно, как и «Сенокос». Я тут подчеркнул слабые места. Поработай еще...

Я почувствовал огромную разницу в оценке стихов: редактор требовал похвалы бытия, а Ероховец - тонкого рисунка явлений природы, чувств и образов.

Вдруг Саша резко сменил разговор.

- Ты, Ваня, обедал? - спросил, взглянув на часы.

Жил я тогда в селе Вагино, работал на правах спецкорреспондента на большой территории, протянувшейся от Трофимовки до Красной Речки, и в редакции появлялся редким гостем, с написанными корреспонденциями.

- Не успел перекусить, - говорю.

- Ко мне домой пойдем. У нас обед по расписанию...

Шли по улице Комсомольской, мимо городского парка, из которого лилась музыка и доносились звонкие детские голоса. Огромные тополя сплелись кронами и представляли из себя сплошной зеленый шатер.

Чувствовал я себя очень удобно, стесняясь появиться в незнакомой семье, нарушить ее покой. И об этом сказал Саше.

- Ты брось, старик, стесняться. Надеюсь, что и ты в гостеприимстве не откажешь, если я окажусь в селе, - сказал Саша. А дома он представил меня матери, как товарища по работе.

Когда семья села за стол, из другой комнаты вышел Сашин отец, заведующий общим отделом райкома партии, с газетой в руках. Он весело поздоровался с

нами и занял свое место за столом. Разговор пошел о Сашиней работе, как он вписывается в коллектив редакции, куда съездил, что написал. Слушать отца и сына было всем интересно.

Осенью Саша приехал в Вагино.

- Знаешь, старик, мне нужен герой для очерка, фронтовик, порекомендуй, пожалуйста, с кем мне можно встретиться? - сказал он.

Я стал называть одного за другим, перечислять их боевые награды.

- Но ты же о них уже писал? - перебил меня Саша. - Давай такого, чтобы и в боях участвовал, и в плену у немцев побывал, и наказание за плен понес. Понимаешь, у меня такая задумка...

Я с удивлением взглянул на Сашу. Таких материалов в нашей газете еще не было.

Героя для его очерка я все-таки подобрал. Но когда мы с Сашей пришли к нему домой, он только руками развел, сказав, что вечером у него семейный праздник, и занят хлопотами, которых по горло.

- Кстате, приглашаю вас на вечер, а поговорим завтра, так сказать, на похмелье, - проговорил весело и предупредил: «Никакого интервью не будет, если на праздник не придете».

До вечера было далеко, и Саша, в порядке уплотнения рабочего дня, попросил меня сводить его на ферму. Здесь Саша еще раз удивил меня умением быстро сходить с людьми. Принципиальный и занозистый бригадир фермы Иван Александрович Гусаров, пообещавший дать мне интервью о начале зимовки, все тянул резину. А перед Сашей «рассыпался». А когда узнал, что Ероховец пишет серию рассказов о военном детстве и готовит книжку к печати, попросил его выступить перед доярками и скотниками.

- Перед дойкой все будут в сборе, и я их приглашу в красный уголок, - не унимался Гусаров.

- Спасибо, Иван Александрович. Лучшего случая проверить силу рассказа на сельских слушателях и не придумаешь, - сказал Саша и, раскрыв портфель, достал папку с рукописями, чтобы подготовиться к выступлению.

(Окончание на 3-й стр.)

Он в сердце с нами НАВСЕГДА

С Александром Ероховцем я познакомился еще студентом. Он работал корреспондентом краевого радио и приехал в Енисейск, конечно, побывал на заседании литературного объединения пединститута. Ему понравились мои стихи, и он записал их на магнитофон и пообещал сообщить, когда прозвучат по радио.

Дня через три пришло письмо. Александр Степанович назвал время передачи и как бы между прочим, написал: «Старик, я тоже сочинял стихи, но меня потянуло на прозу. Смотри, первые стихи, как первый снег, чистые, но не очень долговечные. Ты еще и не знаешь, что тебя ждет, пробуй, не ленись, может быть, нацарапаешь рассказ, тогда шли его с оказией или письмом. Адрес я сообщаю...»

Шли дни, месяцы. На год раньше закончил институт. Написал последнее стихотворение и сжег все рукописи... Я прощался с юностью (как потом окажется, с первой любовью), меня ожидали серые солдатские будни.

Почти через два года вернулся я в Енисейск. Жизнь бурлила и понесла меня, как вешние воды...

Однажды я вернулся с танцев и за ночь написал «талантиливый» рассказ и утром отправил Александру Ероховцу. Несколько дней я ходил с гордо поднятой головой.

И вот пришло письмо, в котором было больше страниц, чем в моем рассказе. Вы представляете, как я волновался, читая слова: «Старик, не торопись расстаться со своим героем, пиши размашисто, мало одного скелета, побольше мяса, чувства, сравнений, больше правды жизни, слушай, как говорят простые мужики, это они говорят по-русски, а не языковеды...»

Я читал письмо много раз, больше всего мне понравились эти строчки: «Старик, поговорил с тобой - на душе светло, по-дружески советую - пиши и пиши, у тебя есть свой почерк...»

Несколько раз я переписал заново свой первый рассказ и послал писателю Ероховцу. Второй ответ меня смутил: «Старик, ты должен

встретиться с мудрым писателем Иваном Ивановичем Пантелеевым, моим наставником, толковым редактором; я показал ему несколько рассказов, а он помог выпустить книжку рассказов. Еще в альманахе «Енисей» найди великого труженика, писателя Ивана Владимировича Уразова, он очень любит молодых авторов».

Нет, мы не расстались с Сашей, постоянно встречались. Помню, приехала группа писателей в Канск (я тогда там работал), среди них Пантелеев и Ероховец. Поехали мы на встречу с тружениками села. Первым выступает Саша:

- Дорогие друзья, мы рады встретиться с вами. Чтобы вы представляли нас хорошо, скажу по секрету - мы с Иваном Ивановичем Пантелеевым родом из одной деревни Мельничной. Я - из Тюттетского района, а он - из Ирбейского... Зал зааплодировал.

В июне 1989 года Саша мне написал: «Летом я живу в красивейшем селе Красный Завод, часто встречаюсь в Боготоле с пишущей братией, один Иван Николаевич Екимов что стоит, а Гена Тисленков... Бросай свой Канск, здесь мы создадим литературное объединение, потом примем вас в Союз писателей. Будет у нас, в Боготоле, своя писательская организация...»

Мечтал Саша, об этом написал потом в газете «Красноярский рабочий». Меня приняли в Союз писателей, Ивану Екимову и Леониду Антонову дал рекомендации Александр Степанович Ероховец.

Но сегодня некоторые писатели создали свою организацию и в крае стало их две, что затрудняет вступление в Союз писателей наших земляков: Ивана Николаевича Екимова и Леонида Ивановича Антонова...

Не все мечты Александра Степановича осуществились. Даже известному сибирскому писателю не удалось опубликовать несколько романов и повестей. Будем надеяться, что в будущем выйдут все его книги, полное собрание...

Когда в редакцию газеты «Земля боготольская» заходит его жена Людмила Николаевна, мне кажется, что вот-вот следом войдет Саша...

Но чудес не бывает. Он останется в сердце с нами навсегда.

Василий ТИТЕНКО.

Город спит

Ночью ветреной, снежной,
Подняв звездный ковер
Над собой.

Я иду. Узнаю все, конечно:

И знакомый

Дощатый забор,

И тот сад,

И скамью под кленом,

Где сидели весной

Вдвоем...

«Сад мой, сад». И я вновь,

Как влюбленный,

Помечтал,

Постоявши в нем.

Сад был юности дымкой окрашен.

Ног прошли уже те года.

И теперь не придет, как раньше.

На свиданье девушки та.

Не придет и не скажет нежно

Мне слова первой - лучшей - любви...

Город спит ночью ветреной, снежной

Город спит, весь метелью обвит.
В небе месяц дрожит златорогий.
Звезды тоже, волнуясь, не спят.
Я иду знакомой дорогой.
Я на родине - у себя.

1951 г.

Александр ЕРОХОВЕЦ.

Слово о друге

Когда я думаю о Саше, часто приходят на память слова Горького о бабушке: «До нее как будто спал я, спрятанный в темноте, но явилась она, разбудила, вывела на свет, связала все вокруг меня в непрерывную нить, сплела все в разноцветное кружево...»

Таким было и его влияние на восприятие и понимание нами поэзии. Мы любили рифмованные строчки, и человек, знавший наизусть «Евгения Онегина», не вызывал особенного удивления - мы ведь тоже могли прочесть по памяти поэмы Некрасова, Маяковского, Твардовского; о пушкинских «Золотом петушке», «Сказке о мертвой царевне», «Поле и работнике его Балде» говорить нечего. Все заучивалось, радовалось, оставаясь с тобой на всю жизнь.

И все-таки о поэзии вне школьной программы, о ее тайнах мы имели смутное представление и могли только догадываться.

Но вот пришел наш сверстник, который говорил только стихами. Удивление его феноменальной памятью прошло, тем более, что таких памятливых было среди нас немало, а стихотворные строчки оставались с тобой, заставляя переживать. Мы начинали понимать, что мир поэзии безбрежен и прекрасен, что у него, кроме дара природы, пожалованного какому-нибудь избраннику, есть свои законы, своя история. Появился интерес к авторам, хотелось понять, как могут обычные слова вдруг стать такими строками, что это делает мысли и чувства особенными, а у каждого поэта есть свой, возможно, неясный даже для него самого, секрет превращения

прозы жизни в поэзию, в мелодию, предназначенную именно твоей душе.

Саша Ероховец был наполнен литературой. Мы не виделись с ним 10 лет, а при последней встрече в Красном Заводе заговорили о писателях так, как будто расстались вчера и не успели договорить. Обменивались мы письмами редко, но он всегда вкладывал вырезки из газет, и последняя, «Боготольский феномен», открыла для меня, какой сильный это был публицист.

Наши литературные пристрастия были разные: он ближе к родной почве, цельнее. Так и вижу: в дедовской избе, где, кроме полок с журналами, книгами, пишущей машинки, его самого, кажется, ничего больше нет - остальное не имеет значения. Было лето, и каким естественным вкраплением в могучую сибирскую природу был он сам на фоне бора, реки, когда вышел нас провожать. У забора и во дворе выросла высокая трава («никак руки не доходят»), и трудно себе представить, что все вокруг него было бы подстрижено и ухожено, а не росло бы вольно.

И вот что интересно. Саша не был нашим соклассником, он на год младше, но дружил со всеми, потому что был человеком открытым, доброжелательным, каждый чувствовал, что интерес к тебе неподдельный, с ним было легко, разговоры были естественными и значительными.

У меня стоят книги Александра Ероховца, некоторые с дарственной надписью. Ждали от него новой, о нас, о нашей школе, о нашей юности. Интересно было бы взглянуть на все это глазами талантливого и очень хорошего человека...

В. САХАРОВА,
г. Северодонецк,
Украина.

Мастер слова с божьей ИСКРОЙ

А мне пояснил, что в сельские командировки всегда берет папку с рукописями рассказов, чтобы поработать над ними, если представится возможность, так как время торопит.

Выступил Саша перед животноводами с одним из своих рассказов о пацанах военной поры, как они, переноса все трудности, мужали, готовя себя к войне, если она продлится. В играх, поступках были ярко показаны их характеры. А Саша был прекрасный чтец, и рассказ женщинам понравился. Они сидели, утирая глаза платками.

А вечером мы с ним пошли на праздник, где я увидел его совершенно с другой стороны. Он и плясал, широко размахивая руками, и песни пел, и анекдотами смешил. Со

всеми был любезен, особенно с молодыми женщинами, которые меня замучили вопросом: «Кто он такой? Откуда? Женатый или холостой?» Парень-то представительный, щеки - кровь с молоком. Он уследил и с курившими мужчинами общаться. А когда пошли спать к нам, сказал: «Преогромную пользу я извлек из праздника: узнал много о руководителях хозяйства, о делах, и теперь точно крепкую статью напишу. Но больше изучал хозяина праздника и будущего красок почерпнул для будущего очерка».

Этот очерк был передан позднее по краевому радио. Был он написан со всеми подробностями и войны, и плена, и отбывания наказания, а после него - свободного труда в совхозе. Русский мужик был показан во всех превратностях своей нелегкой судьбы.

Саша завалил редакцию очерками, зарисовками, репортажами. Все у него получалось.

И не было никого усидчивее и трудолюбивее, чем он. Утром он мог опоздать, но вечером допоздна сидел за рабочим столом. К 40-летию Великого Октября поднял пласт целины - историю партизанского движения в Причулымье, в том числе и в Боготольском районе, подготовил рукописный журнал «Боготол литературный», он первым «воскресил» тринадцатилетнего связного партизан Апполинария Буркова и хорошо написал о нем, погибшем в 13 лет от рук карателей.

Увы! Не все материалы Ероховца увидели свет. Писал он широко и раздольно, что не нравилось редактору И. Я. Волкову, и он предлагал автору оставить то треть, то четверть от очерка. Саша на это не шел, и тогда сам Волков

«резал» материалы. На этой почве и возникали конфликты. Но выбить из колеи рассудительного и добрейшего по натуре Ероховца было невозможно, и он только, досадуя, горько шутил: «Режут, братцы, режут!». И, подмигивая нам, весело говорил: «Ничто не вечно под луной - уйдет и Волков в мир иной». Конечно, это были безобидные шуточки. Всерьез обижаться Саша не мог.

К тому времени он женился и гордился своей женой - красавицей Людмилой Николаевной. Однако остался прежним Сашей, верным дружбе и друзьям. Семейный круг не ограничил его товарищеских забот о каждом пишущем. И как мы его жалели, когда он покинул Боготол! У нас не стало доброго советника, первого толкового критика наших опусов.

Но, оказывается, Саша и не думал забывать нас. Он очень часто приезжал в Боготол, работая на краевом радио. Встречался с нам и отбирал все лучшее, что мы написали, для передач на радио. Помню: приехал он в Боготол со своим первым сборником рассказов «Ве-

сенная черемуха» и всех ода-рил книгой. До этого была напечатана еще одна его книжка «Горячее сердце». Но, видимо, эту публикацию он не считал своей удачей, и умолчал о ней. А потом увидел свет его книги: «Мне нужен таежный воздух», «Солнце, не падай», «Рассказы о военном детстве», «Забереги», «Отчая земля», «Ожидание», «Далеко, далеко от фронта» и другие, изданные в Москве и в Красноярске. Саша дарил их забываемым боготольцам, особенно своей однокласснице Антонине Александровне Федоровской и нам, газетчикам.

В годы перестройки Александр Степанович жил и работал в селе Красный Завод, где купил домик с приусадебным участком. И мы шутили: поедем в гости к своему Горацию, на свежую картошку, капусту и грибки. И ездили. Кого только не принимали за своим гостеприимным столом Людмила Николаевна и Александр Степанович! Там побывали почти все сотрудники нашей газеты, а главный редактор В. А. Титенко, однажды испив воды из родника Ероховца, в летний

зной снова ехал туда, чтобы прикоснуться к роднику в прямом и в переносном смысле. Родником был и сам Александр Степанович. Он по-прежнему помогал всем своими наставлениями и мечтал создать в Боготоле писательскую организацию, приравнив к двум членам Союза писателей России, Ероховцу и Титенко, еще Леонида Антонова, издающего книги, автора этих строк и пока живущего в Красноярске поэта Николая Килькеева.

Преждевременная кончина Александра Степановича не позволила осуществить намеченное. Его нет среди нас уже десять месяцев, и 20 марта ему исполнилось бы 70 лет. Его доброе имя носит городская библиотека на улице Советской города Боготола, его книги читают боготольцы, и он остается с нами, наш бородастый кумир, наш Саша.

Иван ЕКИМОВ.